

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

УДК 316.776.2

СПЕЦИФИКА ИНФОРМАТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЕГО ГЛОБАЛИЗАЦИИ

© 2010 г.

М.Г. Аверкин

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

pr.e@mail.ru

Поступила в редакцию 1.06.2010

Рассматривается специфика современного процесса информатизации общества в условиях глобализации. Основываясь на трех основополагающих функциях коммуникативного воздействия, оценивается формирование информационной среды взаимодействия в понятиях диалога, управления и/или манипулятивного воздействия.

Ключевые слова: коммуникация, информационное пространство, диалог, управление, манипулятивное воздействие, модерн, постмодерн, коммуникативное воздействие.

Информатизация и глобализация, как две основные черты XXI века, побуждают нас основательно исследовать коммуникацию как многомерный социальный феномен. Проблематика организации информационного пространства и коммуникативных процессов оказывается снова актуальной в силу происходящих изменений в цивилизованном сообществе – в силу создания новой информационной среды. Формирующаяся информационная среда – с public relations и рекламой, наряду с политикой, психотерапией и другими коммуникативными сферами – это сферы бытования увещательной коммуникации, обладающей большим манипулятивным потенциалом, в которой PR-информация всегда служит поставленным целям.

Целью коммуникационного воздействия для public relations является организация и/или формирование (создание/воссоздание) необходимого коммуникатору коммуникативного пространства. Такая роль публичных рилейшнз обусловлена тем, что современное общество в высокой степени зависит от уровня зрелости информационно-коммуникативной среды. В рамках этого ключевая идея статьи заключается в том, что информационная среда современного общества, в условиях его глобализации, и формирующееся коммуникативное воздействие обладают большим манипулятивным потенциалом. Так, современные СМК день за днем производят такую информацию, которую человек

видит (потребляет) каждый день, т.е. все, что он узнает о мире, он получает через СМИ и немного через межличностное общение. Соответственно нам необходимо пояснить позицию public relations в восприятии дилеммы современного информационного пространства, так как новая информационная среда создала условия, при которых сложно различать формирование «диалога», «управления» и/или «манипулятивного воздействия», которое происходит в ходе структурирования коммуникативной среды.

При этом под коммуникативным воздействием мы имеем в виду спланированное воздействие, в нужных для автора коммуникации направлениях, которые охарактеризуем как:

- коммуникативное воздействие на уровне знания (когнитивном уровне);
- коммуникативное воздействие на уровне отношения (аффективном уровне);
- коммуникативное воздействие на уровне намерения адресата коммуникативного акта (конативном уровне).

И здесь принципиально важно то, что сам механизм коммуникативного воздействия остается без какого-либо уточнения конкретный характер и способ воздействия: воздействие на сознание путем выстраивания рациональной аргументации (убеждение) или через эмоциональную сферу, или воздействие на подсознание (суггестия), с помощью вербальных или невербальных средств. Соответственно, с нашей

точки зрения, правомерна гипотеза: современная коммуникативная среда – это и диалог (управляемый диалог), и неизбежная манипуляция.

Основополагающая функция коммуникации – информативная, т.е. информация не просто передается и принимается, но и формируется (что, конечно, является важным моментом для творческого продуктивного общения), и стремится понять взгляды и установки друг друга, сопоставить их, выразить свое согласие или несогласие и прийти к определенным согласованным или новым результатам. Общий ход развития взаимоотношений (интенция на двусторонние и/или на односторонние) – от целостности (бессознательности) к дифференцированности (осознанности) соответствует другой основополагающей функции коммуникации – эмоционально-коммуникативной. Таким образом, весь спектр человеческих эмоций возникает и развивается в процессе общения людей, а потребность в общении возникает, и чаще в современных условиях, в связи с необходимостью изменить именно эмоциональное состояние. В процессе общения/взаимоотношений может измениться интенсивность эмоциональных состояний партнеров – происходит либо сближение этих состояний, либо их поляризация, взаимное усиление или ослабление, а человек в общении может эмоционально разрядиться или, наоборот, усилить эмоциональную напряженность.

Однако переход от целостности к дифференцированности и снова к целостности – это не механический круг, а качественная спираль, основывающаяся на ментальности, духовности и социальных воззрениях (как имеющих к определенному моменту социализации, так и приобретаемых) человека как основе такой новой целостности, где нам вспоминается П. Сорокин, который усматривал в утверждениях К. Маркса противоречие и пытался доказать, что тезис о первичности общественного бытия в отношении общественного сознания опровергается в ходе социологической конкретизации. П. Сорокин упрекает К. Маркса за непонимание той истины, что история людей всегда есть история производительных сил. «Человеческое общество, – писал П. Сорокин, – вся культура и вся цивилизация в конечном счете есть не что иное, как мир понятий, застывших в определенной форме и в определенных видах» [1, с. 528]. И именно сознание, по Сорокину, есть определяющий фактор генезиса любых социальных систем, становление которых проходит ряд взаимосвязанных этапов. Первый представляет

собой фазу логического синтеза, когда в сознании творцов зарождаются замыслы неких новых социальных явлений, каковыми являются не только вещи (средства труда и предметы потребления), но и организационные формы общественной жизни – будь то программа создания новой религии, партии, идеологии или даже общественного строя.

И рассматривая практическое как «прикладную функцию» духовного П. Сорокин видит в обществе два типа зависимостей. Первый из них – это отношения взаимной координативности между важнейшими системами культуры, в рамках которых наука, религия, искусство, мораль, право взаимно воздействуют друг на друга, образуя целостные типы мировоззрения, в которых представления о добре, истине, красоте, справедливости органически связаны друг с другом. Второй тип – это отношения субординации между доминирующим типом мировоззрения и характером практической жизни людей от материального производства до человеческого быта. Теперь логично задать вопрос о том, кто является «создателем» данного доминирующего мировоззрения, ведь в истории человечества, по убеждению П. Сорокина, существуют, попеременно сменяя друг друга, два основных вида мировоззрения – «духовный» и «чувственный», каждому из которых соответствует свой тип общественного устройства («социокультурная суперсистема») [1, с. 188].

И здесь человек как центральная фигура социально-воспроизводственного процесса до сих пор остается как бы за пределами предметной области социологии как науки, в частности социологии познания, социологии восприятия как направлений научного знания. Так как именно ситуация, в которой находится и/или погружен человек, – это есть совокупность значимых для социальных субъектов условий и обстоятельств, оказывающих непосредственное или опосредованное влияние на структуру и содержание их жизнедеятельности, на весь характер их общения и взаимодействия и природным, культурным и социальным окружением. Неслучайно Э. Тоффлер в третьей эволюционной волне увидел возникновение новой психосферы [2, с. 169].

Итак, в результате предшествующего анализа, выделим три сферы, где коммуникация протекает скрыто:

- коммуникация как энергоинформационный обмен;
- коммуникация как бессознательное проектирование;

– коммуникация как внутриличностный процесс.

В рамках новой научной парадигмы психологические категории получают совершенно иное прочтение. Наибольший интерес для нас представляет категория бессознательного проецирования, где человек выступает противоречивой сущностью, определяемой как материально/дискретное и/или полевое/континуальное мышление/поведение. В качестве дискретного мышления нам следует рассматривать неспособность увидеть весь спектр вариантов решения проблемы. Вместо этого субъект делает выбор из нескольких конкретных вариантов (чаще всего выбирает между «да» и «нет»), хотя решений может быть несколько больше, чем два полярных. Примером может послужить политика «борьбы с алкоголизмом» формирующегося заново постперестроечного общества. Самое простое решение – запретить продажу алкогольных напитков вообще. Каковы были последствия этого «сухого закона», известно. Более масштабный пример – выборы главы государства в демократических странах: выбирают из нескольких кандидатов с их программами (порой отражающими интересы разных групп населения), которые часто отличаются весьма серьезно. Победивший на выборах получает власть на продолжительный период, даже если потом сделает серьезные ошибки. Если следующие выборы выиграет его политический противник, могут быть свернуты начатые предыдущим лидером долгосрочные проекты, что означает большие потери времени и средств. Однако подобная ситуация воспринимается как нормальная, поскольку соответствует способу мышления большинства.

И здесь дискретность – одна из самых тяжелых и распространенных болезней человеческого мышления, которая предоставляет возможность адресату коммуникации доминировать над объектом коммуникации, с одной стороны, с другой же стороны, чрезмерное упрощение/абстрагирование объекта развивают пассивность его мышления, т.е. нежелание довести выводы до точного результата, и тогда в некоторых случаях человек может согласиться с утверждением, которого он даже не расслышал. Континуальное мышление – этот тип интуитивного мышления. При этом интуитивная составляющая каждого человека является одновременно частью информационного поля, где с помощью этого информационного канала человек приобретает способность к определенному предчувствию. Коммуникация/коммуникативное воздействие описывается здесь преимущественно в рамках дискретного, т.е. как речевая фор-

ма взаимодействия. А основным механизмом энергоинформационного обмена выступает психическое заражение, которое, в свою очередь, не получило развернутой интерпретации [3, с. 356].

Стоит оговорить третью, последнюю функцию коммуникации – регулятивно-управляющую, которая проявляется в воздействии на поведение партнеров в процессе их общения и может быть представлена как возможность регулировать поведение других людей, возможность взаимной «подстройки» действий и оказание управляющего воздействия на человека, глубина которого зависит от индивидуальных свойств и характеристик как автора, так и объекта коммуникации/коммуникативного воздействия. И возвращаясь в рамках новой современной реальности к рассмотрению триумвирата «диалог», «управление» и/или «манипулятивное воздействие», рассмотрим данные конструкты пристальнее. Диалог – это форма речи, разговор, в котором дух целого возникает и «прокладывает себе дорогу» сквозь различия реплик. Существуют распространенные точки зрения, в которых диалог рассматривается:

- формой развития замысла;
- формой обучения: тогда истина предполагается известной до разговора и разыскивается способ ее разъяснения;
- формой исследования (как, например, представлял Платон).

На этом этапе рассмотрения конструкта «диалог» мы прослеживаем односторонность коммуникации. Управление – это целенаправленное информационное воздействие на людей, осуществляемое с целью регулирования их действия и получения желаемых результатов. Например, М. Вебер рассматривал социологию как науку о социальном поведении, которое она стремится понять и истолковать. Представители бихевиоризма (Э. Торндайк, Д.Б. Уотсон, Б. Скиннер) рассматривали задачу социологии как создание науки об управлении людьми, в соответствии с чем все поведение человека сводится к стимулам и реакциям, и, меняя стимулы, вы задаете определенные реакции, следовательно, верно предположение, что поведение человека в значительной мере управляемо. И снова мы прослеживаем действие конструктов «управление людьми», «создание стимулов», «получение реакций» как предпосылки поведения манипулятивного.

Манипулятивное воздействие – это воздействие одного индивида на другого с целью выполнения последним воли первого. Так просто его объясняет С.А. Зелинский [4, с. 84]. При этом С. Кара-Мурза, говорит, что по многим

признакам манипуляция общественным сознанием напоминает войну небольшой, хорошо организованной и вооруженной армии чужеземцев против огромного мирного населения, которое к этой войне не готово. Иногда говорят даже, что манипуляция сознанием есть «колониализация своего народа», где постепенно создавались системы оружия в этой особой войне и постепенно, по мере накопления знания о человеке и его поведении, складывались доктрины манипуляции сознанием [5, с. 16]. Но, прежде всего, все три конструкта – это отношения и/или взаимоотношения, где предельно актуальным, в данном случае, является тезис М.М. Бахтина о том, что «...диалогические отношения... – почти универсальное явление, пронизывающее... все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение», кажется, никем не оспаривается, но вместе с тем задача его содержательного развертывания во многом остается актуальной до сих пор.

Прежде всего, в статье делается акцент на сфере политики: явно или неявно вопрос о соотношении диалогических и политических отношений стоит в центре современной политической мысли, но в связи с распространением очень разных представлений как о диалоге, так и о политике, ответы на него предлагаются диаметрально противоположные. Рассматривая текущую действительность проявления информационной среды как новой современной реальности, обратимся к периодам модерна и постмодерна. К примеру, Ж. Лиотар говорит о том, что, когда метадискурс прибегает эксплицитным (явным и открытым) образом к тому или иному великому рассказу, как, например, диалектика Духа, герменевтика смысла, эмансипация разумного субъекта или трудящегося, рост богатства и т.п., то науку, которая соотносится с ним, в целях самолегитимации решают назвать «модерном». И таким образом, например, правило консенсуса между отправителем и получателем считается приемлемым, если оно вписывается в перспективу возможного единодушия рассудительных умов: это может быть рассказ эпохи Просвещения, когда герой познания работает ради великой этикополитической цели, всеобщего мира. Здесь можно видеть, как, легитимируя знание через метарассказ, включающий философию истории, приходят к тому, чтобы задать вопросом о законности институций, ведающих социальной связью, поскольку эти последние также нуждаются в легитимации.

С другой стороны, Ю. Хабермас пишет о том, что «проект модерна не завершен» [6,

с. 41], он разрабатывает модель коммуникативной рациональности, позволяющую, по его мнению, придать «проекту модерна» второе дыхание, сохранив свойственный ему пафос рациональной критики и эмансипации. По мысли Ю. Хабермаса, именно в обществе культуры модерна формируется «общественность» – социальный квазисубъект, ориентированный на рациональное обсуждение значимых проблем практически всеми гражданами, а также полагающий, что лишь в рамках такой процедуры выработанные сообща пути решения данных вопросов будут легитимными (отсюда одна из ключевых тем творчества Ю. Хабермаса – выявление и анализ социальных патологий современных развитых обществ на основе теоретической реконструкции процесса их исторического развития).

Говоря о постмодерне, Ж. Лиотар в своей работе «Состояние постмодерна» пишет, что, упрощая до крайности, мы считаем «постмодерном» недоверие в отношении метарассказов, что, конечно, является результатом прогресса науки; но и прогресс в свою очередь предполагает это недоверие. С выходом из употребления метанарративного механизма легитимации связан, в частности, кризис метафизической философии, а также кризис зависящей от нее университетской институции. Нарративная функция теряет свои функторы: великого героя, великие опасности, великие кругосветные плаванья и великую цель. Она расплывается в облака языковых нарративных, а также денотативных, прескриптивных, дескриптивных и тому подобных частиц, каждая из которых несет в себе прагматическую валентность сил *sui generis* (знания и верования, которые возникли в повседневной коммуникации и имеют соответствующую структуру). Каждый человек живет на пересечениях траекторий многих этих частиц. Мы не формируем без необходимости стабильных языковых комбинаций, а свойства, которые мы им придаем, не всегда поддаются коммуникации. Таким образом, грядущее общество соотносится не столько с ньютоновской антропологией (как то структурализм или теория систем), сколько с прагматикой языковых частиц, где существует много различных языковых игр.

3. Бауман в трактовке постмодерна исходит из того, что постмодерн – это определенное состояние ментальности, отличное от ментальности модерна [7, с. 68]. Вот лишь некоторые основные черты:

– плюрализм культур, который распространяется буквально на все: традиции, идеологии, формы жизни и т.д.;

- постоянно происходящее изменение;
- отсутствие каких-либо властных универсалий;
- доминирование средств массовой информации и их продуктов;
- отсутствие основной реальности, ибо все, в конечном счете, представляет собой символы [8, с. 44].

Особенно нормативность размывается в сфере морали, которая становится амбивалентной и крайне противоречивой. Мораль постмодернистского общества, по З. Бауману, выглядит так:

- люди перестают быть плохими или хорошими, они просто «морально амбивалентны»;
- моральные явления не отличаются регулярностью и устойчивостью;
- моральные конфликты не могут быть разрешены в силу отсутствия устойчивых моральных принципов;
- нет такого явления, как универсальная, общая для всех мораль;
- соответственно, нет рационального порядка, ибо нет механизма морального контроля;
- но мораль не исчезает вообще, она трансформируется в этическую систему, касающуюся межличностного взаимодействия (особую значимость приобретает потребность быть для другого);
- люди обречены на жизнь с неразрешимыми моральными дилеммами [7, с. 61].

Вероятно, продолжая мысли З. Баумана, Ж. Бодрийяр пишет: «Потребление – является систематическим актом манипуляции знаками... чтобы стать предметом потребления, предмет изначально должен стать знаком» [9, 68]. Бодрийяр заимствует у структурализма идею видения системы потребительских товаров через призму кода сигнификации (смысла), осуществляющего контроль как над предметами, так и над индивидами общества. Предметы потребления являются частью знаковой системы, поэтому можно утверждать, что, когда люди потребляют предметы, они потребляют и знаки [9, с. 39]. На основе этого суждения Ж. Бодрийяр делает далеко идущий вывод, подтверждающий постулат о «конце социального»: люди перестают различаться по социальному происхождению или положению. Основой их дифференциации становятся потребляемые ими знаки.

Тем самым Ж. Бодрийяр просто осуществляет деконструкцию этих отношений и приходит к выводу, что в обществе постмодерна люди не покупают то, в чем они нуждаются. Скорее код контролирует и принуждает их делать те или

иные покупки. Предметы утрачивают функцию полезности. Потребительская стоимость заменяется символической стоимостью: индивиды начинают приобретать товары, потому что они являются символами престижа, власти, благополучия. Эти символы не столько удовлетворяют конкретные потребности, сколько служат дифференцирующими знаками, свидетельствующими о принадлежности к конкретной группе равных. Так постепенно из потребляемых символов складывается «язык», позволяющий значимо общаться с окружающими: потребляемые товары могут красноречиво рассказать практически все об их владельцах, принадлежащих к определенной «потребительской массе».

Ж. Бодрийяр пишет: «Образование, обучение, школа – это не особые, косвенные формы капиталовложений. Они непосредственно представляют собой общественные отношения порабощения и контроля. Капитал в них не стремится к сложному труду, а несет абсолютные убытки, жертвуя огромной частью «прибавочной стоимости» ради воспроизводства своей гегемонии» [9, с. 68]. В самом деле, образованные люди становятся основой истеблишмента. Тогда как нищие невежественные массы несут угрозу (в отличие от феодальной системы, где все наоборот). При этом Гитлер говорил о том, что «массе» необходимо часто и простыми словами говорить то, что они должны делать. Таким образом, власть задает образы и нужные модели, парадигмы, «национальные концепции» и т.д. Существует огромное количество псевдовыборов, каждый из которых соблазняет, заманивает, провоцирует субъекта, а точнее, заложенные в субъекте способности. В итоге можно заключить, что общество постмодерна не имеет истины, есть только позиции, которые меняются в соответствии со сменой угла рассмотрения, а это и подтверждает наличие конструктов «разъяснение», «обучение», «регуляция», «контроль»... «принуждение»... что и наводит на мысли о наличии конструкта «манипуляция» в структуре обыденной жизни современного общества, в структуре новой коммуникативной реальности. На данном этапе анализа можно сделать вывод о том, что информационная среда современного общества, в условиях его глобализации, и формирующееся в рамках нее коммуникативное воздействие обладают большим манипулятивным потенциалом. Это, в свою очередь, вероятнее всего подтверждает гипотезу о том, что манипуляции и/или манипулятивное воздействие стали естественным типом или механизмом современного коммуни-

кативного процесса. Что, бесспорно, дает начало длительной дискуссии о новых качествах коммуникативных технологий.

Список литературы

1. Сорокин П. Структурная социология. Человек. Цивилизация. Общество. М.: BooksGid, 2009.
2. Тоффлер Э. Третья волна. М.: Издательство АСТ, 1999.
3. Парыгин Б. Д. Социальная психология. СПб., 1999.
4. Зелинский С.А. Манипулирование личностью и массами. М., 2008.
5. Кара-Мурза С.Г. Мы сами копали могилу себе. Наш современник. № 6. 1999.
6. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // «Вопросы философии». 1992. № 4.
7. Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1996.
8. Алексеева Т. А. Современные политические теории. М.: РОСПЭН, 2000.
9. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995.
10. Филипенко А.С. Экономическая глобализация: истоки и результаты. М.: Экономика, 2010.
11. Кнорринг В.И. Социальное управление. Государство, коллектив, личность. М., 2009.

**ORIENTATION OF PROCESSES OF INFORMATION OF MODERN SOCIAL DEVELOPMENT
IN THE CONDITIONS OF INFORMATION FIELD GLOBALIZATION**

M.G. Averkin

The problem field of a current state of an information field is considered. Within the limits of what, being based on three basic functions of communicative influence formation of the information environment of interaction in concepts of dialogue, management and-or манипулятивного influences is estimated.

Keywords: communications, an information field, dialogue, management, манипулятивное influence, a modernist style, a postmodern, communicative influence.